

М. С. Павлова

Советско-литовский договор о ненападении 1926 г.: обстоятельства подготовки и ратификации

Советская политика в отношении Польши и Прибалтики в 1920-х гг. зачастую представляла собой лишь реакцию на происходившие в регионе события и демонстрировала отсутствие у Москвы стратегии на этом направлении, по крайней мере в первой половине 1920-х гг. Заметным исключением стал период 1925–1926 гг., когда советская дипломатия выступает с фронтальным предложением по заключению гарантийных договоров с Польшей и прибалтийскими республиками.

Принятое на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 9 апреля 1925 г. решение торпедировать с помощью польско-литовского антагонизма проект Балтийского блока совпало по времени со снижением интереса к нему у потенциальных участников. 6–11 сентября 1925 г. в Женеве прошла последняя конференция министров иностранных дел Прибалтики и Польши, больше они не созывались. Это стало результатом не столько целеустремленной политики Москвы, сколько изменения международной обстановки с 1924 г. — это и начало «эры пацифизма», сопровождавшееся разработкой многочисленных планов по созданию системы коллективной безопасности; и Рейнский пакт, парафированный в Локарно и вступавший в силу с декабря 1925 г. В то же время с Польшей и Чехословакией Германия подписала лишь арбитражные соглашения об урегулировании конфликтов, без гарантии границ, что ставило государства-лимитрофы перед необходимостью задуматься о своей судьбе в случае пересмотра Германией своих восточных границ.

После конференции в Локарно в октябре 1925 г. международное положение Польши значительно осложнилось: отсутствие в соглашениях положения о прямых гарантиях восточной границы Германии давало последней возможность добиваться пересмотра итогов территориального разграничения в Центрально-Восточной Европе, в первую очередь с Польшей. Несмотря на публичную демонстрацию польским министром иностранных дел А. Сквишинским неоправданного оптимизма и убежденности в том, что локарнские договоренности обеспечивают Европе мир на ближайшие 5–10 лет, а также в неизбежности полной изоляции Польши в случае ее отказа от ратификации этих соглашений, итоги Локарно встретили резкую критику маршала Ю. Пилсудского, Генштаба и польского общества. Москве осложнившаяся внешнеполитическая ситуация Варшавы давала основание ожидать большей уступчивости контр-агента в дальнейших гарантийных переговорах, начатых еще в 1925 г.

Советское предложение начать переговоры о двустороннем гарантийном пакте о ненападении было сделано польской стороне в сентябре 1925 г. Г. В. Чичериным. По пути на лечение в Германию он остановился на два дня (28 и 29 сентября) в Варшаве. Целью его посещения польской столицы, как заявил сам нарком журналистам на пресс-конференции, было содействие решению спорных вопросов и создание предпосылок для сближения между двумя государствами — сближения, которое «не будет носить характера направленной против кого-либо агрессивности»¹. В Варшаве состоялась беседа Чичерина с польским министром иностранных дел Александром Сквишинским, в ходе которой нарком затронул основные проблемы двусторонних отношений. Специально были выделены два направления внешней политики Польши, особенно сильно задевавшие интересы СССР: ее усилия по созданию антисоветского Балтийского блока, а также поддержка Румынии в бессарабской проблеме. Проблему гарантийного пакта руководители советского и польского внешнеполитического ведомств затронули «чисто теоретически», но это не помешало им уже на первой встрече выявить основные противоречия в подходах Москвы и Варшавы к гарантийному пакту². Камнем преткновения в переговорах с этого момента стал вопрос о прибалтийских государствах и их месте в отношениях Польши и СССР. При этом противопоставленными друг другу оказались две концепции: 1) отдельного соглашения СССР с Польшей о нейтралитете (советская позиция) и 2) общего польско-советско-балтийского пакта (польская позиция).

Польский министр заверил Чичерина, что относительно балтийских стран Польша не связана никаким договором и не будет поддерживать их антисоветской политики, но при этом не может остаться «индифферентной» в случае нападения на них Советского Союза³. Сквишинский дважды подчеркнул, что

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 4. М., 1966. С. 413.

² Там же. С. 418.

³ Там же. С. 416.

польская заинтересованность в прибалтийских республиках ограничивается только возможным советским нападением на них, в этом случае политические интересы Польши не позволили бы ей остаться равнодушной. Но подобное условие, отметил Чичерин, предполагало переговоры с Польшей о лимитрофах, т.е. именно то, чего советская дипломатия старалась избежать⁴.

Одновременно СССР начал переговоры о гарантийном пакте с прибалтийскими государствами. Отдельное место среди них занимала Литва, правительство которой с осени 1925 г. демонстрировало стремление к сближению и на экономическом, и на политическом уровне. Во время визита советского наркома по иностранным делам в Западную Европу в октябре 1925 г. Литва начала зондировать возможность реализации своих планов в отношении СССР. В разговоре с советским полпредом С. С. Александровским в конце октября министр иностранных дел Литвы Мечисловас Рейнис особо подчеркнул, что, если бы Чичерин возвращался из Берлина не через Варшаву, а через Ковно, то это было бы хорошим «контрбалансом» его сентябрьскому визиту в Варшаву. 9 ноября Александровский сообщал, что литовское правительство хотело бы видеть советского наркома в Ковно уже не просто в качестве знакового гостя, но с целью подписания предварительного протокола о переговорах с Москвой. Литовский МИД не исключал возможности обсуждения и вопроса о секретном политическом соглашении с Москвой⁵. Подобная неожиданная настойчивость литовской дипломатии не могла не вызвать в НКИД некоторых сомнений в серьезности этих предложений. Между тем сам Александровский изначально был уверен и неоднократно убеждал членов Коллегии НКИД в том, что изменение внешней политики Литвы обусловлено объективными причинами и совершенно искренне. Дипломат совершенно верно оценил возможности сближения с Литвой после Локарно, когда Литва была близка к капитуляции перед «сильными мира сего»⁶. Действительно, в международной ситуации после Локарно Литве было необходимо пересмотреть основные векторы своей внешней политики. В отличие от А. Скшиньского, накануне ратификации Рейнского пакта спокойно относившегося к перспективе нового положения Германии в Европе, литовские политики серьезно опасались возрастания немецкой угрозы и считались с тем, что после Локарно пересмотр восточных границ Германии становился вопросом времени. Проблема Мемельского (Клайпедского) порта делала Германию, с которой Литва сохраняла тесные экономические связи, достаточно сомнительным на тот момент союзником, а также исключала возможность заключения каких-либо территориальных договоренностей. Помимо трений, постоянно возникавших с 1924 г. из-за положения немецкого населения Мемеля, Литва перестала вписываться и во внешнеполитические планы Берлина.

⁴ Там же. С. 417.

⁵ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). М., 1963. Т. 8. С. 660–661.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 04. Оп. 27. П. 185. Д. 85. Л. 27–28.

Проект компенсации Польши новым Мемельским коридором за возвращаемый Германии Данцигский коридор, выдвинутый Польшей и Великобританией, не мог оставить Берлин равнодушным. Как с литовской, так и с советской перспективы идея обмена Данцигом и Мемелем между Германией и Польшей стала казаться всё более реальной. С. Александровский неоднократно отмечал в докладах в НКВД, что «такая сделка отвечала бы в настоящее время интересам не только Германии и Польши, но также Франции и в особенности Англии, которые этим путем надеются разбить германо-советскую дружбу... Опасность такой сделки становится таким образом реальной, и борьба с ней будет для нас и для Литвы чрезвычайно трудна. Единственная надежда Литвы была бы в этом случае на поддержку Лиги Наций и со стороны некоторых малых государств, сопротивление которых западным великим державам было бы, однако, нетрудно побороть»⁷.

Совпавший с Локарно по времени новый виток обострения польско-литовского конфликта нанес ущерб и английским концепциям «замирения» региона. Великобритания усилила давление на Литву, прекратив кредитование мемельской промышленности, что в свою очередь обострило внутренние противоречия в Литве, в том числе национальные, а также привело к реанимации проблемы интернационализации Немана⁸. Прибалтийская политика Литвы к 1925 г. также не принесла заметных результатов: несмотря на длительные переговоры с Ригой, ковенское правительство не могло рассчитывать на помощь Латвии в виленском вопросе. Хотя Рига выступала с предложением договора о коллективной безопасности, в котором Вильно могло бы быть признано в качестве столицы Литвы, сначала переговоры были отложены на неопределенный срок, а после смены правительства в Латвии идея была похоронена окончательно.

В таких условиях в конце 1925 г. президент Александрас Стульгинскис и литовское правительство согласовали новую концепцию внешней политики. В связи с явным обострением тона Польши по отношению к Литве выработанный после резонансного провала переговоров с Варшавой общий «новый курс» литовской внешней политики отталкивался от признания факта временной утраты исторической столицы государства и невозможности вернуть ее ни с помощью прямой конфронтации, ни путем прямых переговоров с польской стороной⁹. Кроме того, признавался факт, что державы Антанты отнесутся как минимум безразлично к попыткам Литвы вновь поднять вопрос о разрешении территориальных конфликтов. Инструментом, дававшим возможность возвращения к активному обсуждению виленского вопроса и укрепления

⁷ АВПРФ. Ф. 151. Оп. 4. П. 5. Д. 9. Л. 103.

⁸ Конференции по вопросу интернационализации Немана и открытия польско-литовской границы прошли в Копенгагене и Лугано осенью 1925 г.

⁹ *Eidintas A., Žalys V. Lithuania in European Politics: The Years of First Republic, 1918–1940.* New York, 1998. P. 108.

международного положения Литвы, была признана советская дипломатия¹⁰. Британский представитель в Литве Т. Возн отмечал в рапорте, что в результате осмысления своего международного положения Литва в конце 1925 г. обратилась к СССР, единственной державе, которая «первой последовательно и категорически отказалась признавать решение Конференции послов о признании Вильно за Польшей и которая была в состоянии... помочь Литве в эвентуальной войне с Польшей»¹¹.

В это же время и в Москве наконец оценили новые условия для развития отношений с Литвой, понимая, что нестабильное внутривнутриполитическое и экономическое положение Польши при всей нежелательности для нее советско-литовского сближения не позволит ей этому помешать. Более того, активные переговоры с Ковно могли быть использованы как средство давления на Польшу в ее переговорах с Советским Союзом.

В начале декабря 1925 г. в Москве получили литовский проект протокола о начале переговоров (проект Рейниса). Первые три пункта протокола содержали обязательства сторон развивать дружественные взаимоотношения, строить «свои отношения на основе существующих между ними договоров и на основе территориального статута, вытекающего из этих договоров». Интересен четвертый пункт проекта, декларирующий, что подписавшие протокол стороны «находят необходимым для установления мира в этой части Европы и для его стабилизации, чтобы оба представляемые ими правительства пришли к более тесному и конкретному соглашению относительно их политики, поскольку она касается этой части Европы»¹². В целом проект Рейниса отвечал стремлениям Москвы, но четвертый пункт вызвал настороженность у коллегии НКВД. Фактически в нем говорилось о конкретном политическом соглашении между Литвой и СССР о регионе Прибалтики и Польши, т.е. литовская дипломатия изначально стремилась к заключению политического соглашения, которое бы затрудняло Польше реализацию своих планов в регионе.

23 декабря 1925 г. советский нарком по иностранным делам на обратном пути в Москву из Европы остановился в Ковно. На встрече с президентом Литвы А. Стульгинским и министром иностранных дел М. Рейнисом произошло первое обсуждение вопроса о возможности заключения советско-литовского договора. Литовские политики представили Г. Чичерину основные постулаты по двусторонним отношениям. Рейнис предложил скоординировать политику в отношении Польши и гарантировал неучастие Литвы в антисоветских блоках. Во время встречи с представителями литовской прессы Чичерин, отвечая на вопрос корреспондента «Летувос Жиниос» о судьбе Виленского края, подчеркнул, что Советский Союз будет придерживаться постановлений Московского договора до тех пор, пока Литва самостоятельно не признает территориальный

¹⁰ Ibid.

¹¹ Цит. по: *Lukasik-Duszyńska M.* Brytyjskie poselstwo donosi. Warszawa, 2008. S. 183.

¹² ДВП СССР. Т. 8. С. 811.

конфликт с Польшей разрешенным. Нарком также обратил внимание корреспондента на то, что по Уставу Лиги Наций (§ 19) постановления Совета Лиги Наций могут быть изменены, а это значит, что и постановление по виленскому вопросу также может быть изменено¹³. В тот же день Чичерин и Рейнис обсудили основные вопросы будущих переговоров: координация политики в отношении Польши и Прибалтики, подтверждение московских договоренностей 1920 г., признание СССР Парижской конвенции о передаче Мемельского края Литве, неучастие Литвы в антисоветских коалициях. Подготовленный литовской стороной протокол советский нарком, не желавший рисковать стабилизировавшимися отношениями с Польшей и Францией, не подписал¹⁴. Тем не менее, визит Чичерина создал прочную основу для успеха будущих советско-литовских переговоров и сопровождался громкими заявлениями прессы о дружбе с «восточным соседом».

Советско-литовские переговоры 1926 г. о гарантийном пакте можно условно разделить на два этапа: январь–май и июнь–сентябрь 1926 г. Граница между ними приходится на май 1926 г., когда международная обстановка в регионе претерпела значительные изменения: сначала в результате государственного переворота Пилсудского в Польше в середине мая, а затем — в связи с приходом к власти в Литве коалиции социал-демократов и народников (впервые в истории Литвы). Оба события оказали влияние на ход и скорость переговоров.

В качестве образца для обсуждения с Литвой Москвой был выбран советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г., который лежал в основе большинства гарантийных пактов, заключенных СССР в 1925–1926 гг. Однако сразу же стало ясно, что заключение еще одного из серии стереотипных договоров Литву не устраивает. Стоит отметить, что Александровский еще в начале марта сформулировал основную проблему в переговорах с Литвой, будь то коллективных или двусторонних. После разговора с министром Л. Бистрасом он пришел к выводу: Москве придется столкнуться с тем, что литовский проект договора, помимо гарантий нейтралитета, будет в любом случае содержать далеко идущие предложения по виленскому и мемельскому вопросам. В основе стремления Ковно к заключению договора с СССР лежало прежде всего желание вновь услышать благоприятное для Литвы мнение СССР по виленскому вопросу. Далеко не последнее место в переговорах занял и мемельский вопрос, который до того времени «висел в воздухе». В Ковно считали, что принадлежность Мемельского порта Литве, а не Польше отвечала интересам как Германии, так и в еще большей степени СССР. Отсюда делался вывод о том, что Москва должна, даже без согласия Германии, признать Мемель литовским городом¹⁵.

Изначально НКВД предлагал поставить виленский вопрос в максимально завуалированном виде, чтобы не обострять польско-литовских отношений

¹³ Цит. по: *Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. Warszawa, 1997. S. 194.*

¹⁴ АВПРФ. Ф. 0151. Оп. 13. П. 25. Д. 2659. Л. 67.

¹⁵ Там же. Л. 77.

и не провоцировать резкой реакции польских властей. Особенно непримиримую позицию в отношении упоминания виленского конфликта в связи с советско-литовским договором занял полпред в Польше П. Войков, считавший заявления по этому вопросу слишком серьезным шагом, который может привести к кризису в советско-польских отношениях и окончательно сорвет переговоры о пакте о ненападении. В коллегии НКВД, однако, придерживались мнения, что Польша не подпишет пакта и в том случае, если Литва не получит советской ноты по виленскому вопросу¹⁶. Учитывая возможное обострение отношений с Варшавой, в НКВД всё же считали положительный эффект более значимым. Подтверждением принадлежности Вильно литовскому государству Москва укрепляла положение Литвы, создавала новые противоречия между Польшей и Литвой (что было особенно важно в свете появившихся в июле–августе слухов о новых неофициальных переговорах представителей Ковно и Варшавы), отдаляла возможность создания союза между Польшей и Прибалтикой.

Договор о ненападении между СССР и Литвой был подписан министром иностранных дел Литвы Миколасом Слежявичюсом и наркомом по иностранным делам СССР Г. В. Чичериным 28 сентября 1926 г. Первая статья договора подтверждала, что все постановления мирного договора между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г. сохраняют силу, а неприкосновенность границ остается основой отношений между СССР и Литвой. В ст. 2 СССР и Литва вновь взаимно обязывались уважать суверенитет и «территориальную целостность и неприкосновенность друг друга». Последующие статьи определяли гарантии нейтралитета и решение конфликтов согласительными комиссиями.

Кроме того, договор сопровождался взаимным обменом нотами. Нота Чичерина от 20 сентября разъясняла позицию СССР по виленскому вопросу: в соответствии с нотой советского правительства от 5 апреля 1923 г.: «Союзное правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало его отношения к территориальному суверенитету» Литвы, определенному ст. 2 и примечанием к ней договора между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г.

В польской историографии, в частности в работах Лоссовского, эта нота расценивается как антипольская акция советского правительства и открытое заявление о том, что СССР выступает за принадлежность Виленского края литовскому государству¹⁷. В своей оценке польские историки опираются на заявления литовских политиков и публикации литовской прессы осенью 1926 г. В частности премьер Слежявичюс в интервью для прессы 2 октября обращал особое внимание на то, что СССР вновь подтвердил права Литвы на Вильно¹⁸.

Противоположного мнения придерживается современная литовская историография. А. Каспаравичюс полагает, что из формулировки «Союзное

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Łosowski P.* Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. S. 90.

¹⁸ *Ibid.* S. 91.

правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало его отношения к территориальному суверенитету» неясно, кто именно подтверждает свою неизменную позицию по поводу суверенитета Литвы в Вильно: советское правительство или литовский народ. «В разных обстоятельствах в зависимости от интересов эту ноту можно объяснить по-разному», — считает литовский историк и отмечает, что именно такую цель преследовал этой нотой Чичерин¹⁹. Не ставя под сомнение двойственность оценки статуса Виленского края в результате заключения Советской Россией договоров 1920 и 1926 гг. с Литвой и Рижского договора 1921 г. с Польшей, тем не менее представляется, что в данном случае такое предположение неверно. Об этом свидетельствует и переписка члена коллегии НКВД С. И. Аралова. 17 августа он сообщал Войкову о решении комиссариата по виленскому вопросу: «Мы решили уступить литовцам в виленском вопросе и приложим к договору письмо, в котором заявим, что фактическое изменение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало нашего отношения к территориальному суверенитету, определенному ст. 2 Московского договора»²⁰.

Советско-литовский договор закономерно вызвал большой резонанс в международном сообществе: поступили как довольно сдержанные отклики дипломатов и политиков великих держав, так и резкая реакция прибалтийских государств. Но основным вопросом, занимавшим советскую и литовскую дипломатию после 28 сентября, была ответная реакция Варшавы. НКВД основательно подготовился к польской кампании против нового советско-литовского договора и снабдил Войкова специально подготовленной экономическо-правовым отделом справкой о совместимости нового договора с Рижским. Стомоняков в каждом письме в Варшаву в течение всего октября подчеркивал: необходимо прежде всего указывать, что Москва предоставила по Рижскому договору разрешение вопроса о Вильно соглашению между Польшей и Литвой, но поскольку такое соглашение так и не было достигнуто, то Московский договор сохранял юридическую силу в отношениях Москвы и Ковно. Вторым сильным аргументом, на который отдел Прибалтики НКВД несколько раз обращал специальное внимание полпреда, был польско-румынский договор — более агрессивный по отношению к СССР, нежели советско-литовский по отношению к Польше. Особо следовало «указывать на враждебную позицию Польши по отношению к нам и ее упорное и даже демонстративное... нежелание договориться с нами, которое мы должны учитывать в нашей международной политике вообще и в частности в наших отношениях с Литвой. Надо указывать, что мы остаемся верны Рижскому договору также и по виленскому вопросу, и что

¹⁹ Каспаравичюс А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт 1925–1935 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 133.

²⁰ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 64.

мы признаем всякое соглашение о границах, которое будет заключено между Польшей и Литвой»²¹.

Через два дня после подписания договора Войкова вызвал заместитель министра иностранных дел Роман Кноль — в польском МИД ждали объяснений советского полпреда. Наиболее острую реакцию замминистра вызвало, как и ожидали в советском ведомстве, упоминание Московского договора 1920 г. и нота Чичерина о виленском вопросе.

Резкая реакция Кноля — он был «взволнован и сильно раздражен» — была вызвана двумя территориальными проблемами, которые возникали в связи с подписанием нового советско-литовского договора на основе договора 1920 г.²² Закономерную реакцию вызвало упоминание виленского вопроса в договоре и специально в ноте Чичерина: «В Польше нет никакого виленского вопроса, — сказал с «особой злостью» Кноль. — Виленский вопрос для нас не существует, и мы считаем Вильно и Гродно своими»²³. Но вопросом о территориальном польско-литовском разграничении проблемы, возникшие в результате подтверждения Московского договора, не исчерпывались. Западные белорусские земли по Московскому договору с Литвой считались советскими, а по Рижскому договору Москва от имени своего и БССР признавала их польскими. Таким образом, Ковно и Москва, взаимно подтверждая обязательность территориальных постановлений 1920 г., подтверждали и то, что белорусские земли должны принадлежать СССР. Именно в этом вопросе Кноль с возмущением потребовал объяснений от Войкова, которому стоило немалых усилий убедить собеседника, что новый договор не касается «белорусских» земель²⁴.

Несмотря на объяснения советского полпреда, Кноль не изменил своего мнения о том, что договор и приложенная к нему нота Чичерина ставили под вопрос государственную принадлежность большей части восточных польских земель. Кноль справедливо указал на заметную разницу в политической и международной обстановке при заключении договоров между Москвой и Ковно в 1920 и 1926 гг. и выразил удивление тем фактом, что в мирных и совершенно новых обстоятельствах Москва сочла возможным подтвердить договор с Литвой, заключенный в условиях разгара советско-польской войны.

Польский дипломат также подметил один из основных недостатков нового документа. Договор скорее фиксировал прошлые обязательства сторон, чем регулировал будущее советско-литовских отношений. Во второй половине 1920-х гг. его сомнения относительно возможности практической реализации условий договора подтвердились. Москва демонстрировала непризнание польского варианта решения виленского вопроса в большинстве случаев лишь в виде устной поддержки Литвы. Ковно в свою очередь также не стремился

²¹ Там же. Л. 51.

²² ДВП СССР. Т. 9. М., 1964. С. 455.

²³ Там же. С. 456.

²⁴ Там же. С. 457.

дословно исполнять соглашение о предоставлении Москве информации о своей внешней политике и о переговорах в Прибалтике: советские дипломаты, как правило, узнавали о проводившихся польско-литовских переговорах только после того, как они завершались провалом²⁵.

Реакцию Кнолля и тон его разговора с Войковым коллегия НКВД сочла «непозволительными», и Стомоняков подверг Войкова резкой критике за то, что тот не ответил на замечания польского дипломата аналогичными упреками относительно польско-румынского договора²⁶. Недовольство Москвы вызвали и комментарии советского дипломата, который в разговоре с Кноллем провел параллели между советско-литовскими и советско-польскими отношениями, что спровоцировало слухи в других европейских странах о разрешении виленского вопроса между Москвой и Варшавой. Радио европейских стран передавало различные версии о позиции СССР в польско-литовском конфликте: «Советское правительство довело до сведения Польши, что оно готово официально объявить о своей незаинтересованности в виленском вопросе, если Польша заключит с СССР сепаратный договор о нейтралитете...», «Русский посол в Варшаве Войков передал польскому правительству предложение Чичерина, в котором говорится, что СССР утратит интерес к виленскому вопросу, если Польша согласится подписать с Литвой договор о нейтралитете»²⁷.

В польской прессе и обществе договор стал одной из наиболее обсуждаемых тем. Редактор «Курьера Варшавского» — одной из старейших газет польских правых сил — Б. Косковский отмечал, что договор произвел крайне болезненное впечатление на польское общественное мнение. То, что СССР спровоцировал обсуждение виленского вопроса, который в Польше считался вопросом исключительно внутренней и национальной политики, особенно нервно восприняли эндеки. Оценка договора была исключительно отрицательной и со стороны остальных легальных политических течений Польши. Литву обвинили в грубом нарушении ее обязательств по отношению к Лиге Наций, подрыве солидарности Балтийского блока и утрате независимости государственной политики.

На этом фоне всеобщего внимания к советско-литовскому договору НКВД больше всего беспокоило отсутствие в течение почти месяца со дня подписания договора ноты по такому важному для всей польской внешней политики вопросу. Упорное молчание официальной Варшавы заставляло предполагать возможность скоординированной акции Польши и великих держав, которая могла бы сорвать ратификацию договора в Литве и Москве. Член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков в инструкциях Войкову развивал предположение о том, что молчание Варшавы могло означать согласование польской ноты

²⁵ *Kasparavičius A.* “Gentlemen’s agreement” of Lithuania and the USSR // *Lithuanian Foreign Policy*. 2002. N 1. P. 8.

²⁶ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 47.

²⁷ Там же. Л. 47–48.

с Лигой Наций или Конференцией послов. Эффект, который могло бы вызвать одновременное вручение польской ноты протеста Москве и ноты протеста от западных держав Литве с указанием нарушения ею своих обязательств в отношении Лиги Наций, был бы достаточен для срыва ратификации договора в литовском сейме. Тревога отдела Прибалтики НКВД возрастала по мере приближения 9 ноября — крайней даты ратификации договора в Москве и Ковно. В случае сильного давления Великобритании и Франции советское полпредство не было бы в состоянии убедить в течение нескольких дней литовский сейм в необходимости ратифицировать договор. К тому же в НКВД были осведомлены о планах Польши добиться от Англии публичного заявления против заключения советско-литовского договора. М. Литвинов, в частности, писал поверенному в делах СССР в Великобритании Л. Б. Красину, чтобы он как можно скорее встретился с О. Чемберленом и изложил ему советскую точку зрения на польско-литовский конфликт и суть положений советско-литовского договора. Особое внимание в разговоре следовало уделить мирной политике СССР в отношении Польши и Прибалтики и «маниакально воинственным наклонностям» Пилсудского, от которого можно было ожидать любых авантюр в отношении Литвы²⁸. В разговоре с Чемберленом 11 октября Красин специально затронул вопрос о последствиях советско-литовского договора для отношений Москвы с Польшей. Он изложил британскому министру иностранных дел всю советскую аргументацию по польско-литовскому спору в соответствии с инструкциями НКВД. Чемберлен в ответ заметил, что советско-литовский договор не вызывает у него особых возражений, а также заверил в отсутствии какой-либо опасности нападения Польши на Литву без санкции Франции и Великобритании²⁹. В Лондоне в итоге отреагировали на договор осторожно, назвав его примером мастерской игры двузначной фразеологией³⁰.

Существовал и еще один повод для опасений: слухи о закулисных переговорах Варшавы с Ковно давали основание предполагать, что именно возможность достигнуть прорыва в отношениях с Литвой заставляла Варшаву пока откладывать вручение ноты протеста.

Наконец, самым безобидным объяснением молчания польской стороны считали необходимость согласовать официальную ноту с западными державами, «хотя вряд ли для такого согласования необходимо три недели», — констатировал Стомоняков³¹.

Б. С. Стомоняков оказался прав. Вопрос о советско-литовском договоре обсуждался по просьбе Польши Конференцией послов Антанты в начале октября 1926 г. Варшавскую инициативу о коллективном протесте Польши и великих держав поддержали Франция и Бельгия, однако предложение было решительно

²⁸ ДВП СССР. Т. 9. С. 479.

²⁹ Там же. С. 505.

³⁰ Цит. по: *Lukasik-Duszyńska M.* Op. cit. S. 184.

³¹ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 49.

отклонено Великобританией, которая стремилась избежать острой дискуссии о договоре. В развитие этой линии британской политики Конференция послгов 20 октября 1926 г. ограничилась лишь заявлением, что новый советско-литовский договор не может поставить под сомнение решение Конференции от 15 марта 1923 г. о восточных границах Польши. Позднее, в ноябре 1926 г., британский посланник в Варшаве Макс-Мюллер подтвердил Войкову, что на Конференции послгов мнения по поводу советско-литовского договора разделились: Франция и Бельгия выступали за более резкую резолюцию, но оказались в изоляции³². Тем не менее Конференция подтвердила свое решение от 1923 г. о восточной польской границе, и в этом некоторые дипломаты видели успех Польши на конференции. Сразу же после закрытия Конференции, 23 октября, спустя почти месяц после подписания договора, в Москве была получена польская нота. Она поразила советское дипломатическое ведомство своей умеренностью: в ней не было не только протеста, но даже и требования объяснений от Москвы³³. В ноте констатировался интерес польского правительства к факту заключения советско-литовского договора, дословно излагались постановления ст. 2 Рижского договора и решения Конференции послгов от 15 марта 1923 г. Польша подчеркивала, что правовое политическое положение этих территорий было определено по совместной инициативе Польши и Литвы постановлением Конференции послгов и, таким образом, было окончательно разрешено. Это решение не может быть поставлено под сомнение ни одним международным актом, заключенным с участием только Польши или только Литвы³⁴. Таким образом, польское правительство фактически лишь повторяло свою точку зрения на польско-литовский конфликт, которая не изменилась с 1923 г. Оно не считало советско-литовский договор поводом для изменения своей позиции по этому вопросу или обострения отношений с Москвой.

Тем не менее ответную ноту СССР в Варшаве ожидали также с беспокойством. Так, польский посланник в Ревеле при встрече с советским полпредом А. М. Петровским сообщал, что Варшава сразу же приступит к переговорам о пакте, если Москва решит не обострять отношений ответной нотой³⁵. Нота, по его мнению, должна была прежде всего подчеркнуть нежелание Москвы обострять ситуацию, «опровергнуть версию поляков о мнимом непризнании нами нашей границы с Польшей и вновь зафиксировать нашу позицию по вопросу о Виленщине»³⁶. НКВД отправил ответную ноту 19 ноября. В ней он подтверждал свое мнение о неразрешенности польско-литовского конфликта, особо было отмечено, что СССР не ставит под сомнение советско-польскую границу по Рижскому миру³⁷. Ответная нота СССР произвела «очень благо-

³² АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 30.

³³ Там же. Л. 31.

³⁴ ДВП СССР. Т. 9. С. 548.

³⁵ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 28.

³⁶ Там же. Л. 31.

³⁷ ДВП СССР. Т. 9. С. 547.

приятное впечатление» и окончательно урегулировала все недоразумения между Москвой и Варшавой, возникшие в конце сентября. Проправительственная печать приветствовала эту ноту, отмечая, что источник всех недоразумений, возникших между Польшей и СССР по виленскому вопросу, носит абстрактный характер и не является реальным политическим спором³⁸. Неправительственная печать, в частности правая, также констатировала начало спокойного урегулирования спорных вопросов и считала инцидент по литовскому вопросу полностью урегулированным³⁹. Дружелюбный тон по отношению к Москве и подчеркивание отсутствия каких-либо серьезных недоразумений по виленскому вопросу особенно были заметны на фоне отношения польской прессы к Литве, которую обвиняли в нарушении спокойствия и создании новых предпосылок для конфликтных ситуаций в международных отношениях на востоке Европы⁴⁰.

Таким образом, тема советско-литовского договора в польской прессе фактически была закрыта, а реакция Польши оказалась гораздо менее резкой, чем ожидали в НКВД. Британский представитель в Польше Макс-Мюллер отмечал, что подписание договора не вызвало в Варшаве бурной реакции правительственных кругов. Польский министр иностранных дел в частности в разговоре с британским послом определял этот договор как несущественный, а нота министра Залеского советскому правительству была сочтена Савери даже не дипломатической нотой, а «культурным напоминанием» в вежливой форме об обязательствах советского правительства по Рижскому договору⁴¹.

Договор имел благоприятные последствия для СССР. Эстонское правительство официально заявило о необходимости торопиться с заключением сепаратного гарантийного договора с СССР, латвийский кабинет министров выразил желание приступить к переговорам о торговом договоре, Финляндия проявила заинтересованность в заключении гарантийного договора с Москвой. Эти предложения были использованы советской дипломатией в качестве «козырных карт» в переговорах с Польшей⁴².

Зато со стороны тех же стран подверглось критике Ковно за заключение договора с СССР, который был расценен ими как начало «русского протектората» над Литвой. Литва стала объектом критики и со стороны Великобритании. После подписания договора глава британской дипломатии О. Чемберлен заявил литовскому посланнику в Лондоне Э. Гальванаускасу, что в результате ноты Чичерина виленский вопрос вновь стал международным, но это не принесет выгод Литве. Постоянно привлекая внимание к виленскому вопросу, литовское правительство провоцирует Польшу на более жесткое отношение

³⁸ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 332. Л. 55. Л. 30.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Lukasik-Duszyńska M.* Op. cit. S. 235.

⁴² АВПРФ. Ф. 122. Оп. 10. П. 125. Д. 334. Л. 42–43.

к этой проблеме, вызванное необходимостью отстаивать права на территории в составе своего государства, и в результате виленский вопрос становится не международным вопросом, который можно было еще решить, а «религиозной святыней»⁴³.

Но именно подобное возвращение виленского вопроса на международную арену было непосредственным и главным ожидаемым Литвой результатом договора. Нота Чичерина вновь подтвердила, что виленский вопрос не закрыт, как минимум, для двух государств. В этом смысле договор действительно был «жизненно необходим» Литве⁴⁴. Он «актуализировал» виленский вопрос и вновь поднял его на международный уровень. Такое понимание договора нашло отражение в известных словах Слежевичюса, заявившего, что «Литва пойдет в Париж через Москву»⁴⁵. В сложившейся международной ситуации договор с СССР был единственной возможностью оставить виленский вопрос открытым и вновь подчеркнуть в международном масштабе, что проблема Виленского края еще не окончательно превращена в проблему внутренней польской политики. В то же время история этого договора еще раз продемонстрировала и Москве, и Варшаве, и литовской оппозиции, что внешняя политика Ковно продолжала вращаться вокруг виленской оси.

References

Eidintas A., Žalys V. Lithuania in European Politics: The Years of First Republic, 1918–1940. New York, 1998.

Kasparavičius A. “Gentlemen’s agreement” of Lithuania and the USSR // Lithuanian Foreign Policy. 2002. N 1.

Kasparavičius A. Don Kichotas prieš Prometėją. Tarpukario lietuvių-lenkų iracionalioji diplomatija // Prievartos vaisiai. Lietuvos-Lenkijos santykiai 1920–1940 metais. Kaunas, 2002.

Kasparavičius A. Sovetskaâ diplomatiâ i litovsko-pol’skij konflikt 1925–1935 // Sovetsko-pol’skie otnošeníâ v političeskikh usloviâh Evropy 30-h godov XX stoletia. M., 2001.

Łosowski P. Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. Warszawa, 1997.

Lukasik-Duszyńska M. Brytyjskie poselstwo donosi. Warszawa, 2008.

⁴³ *Kasparavičius A.* Don Kichotas prieš Prometėją. Tarpukario lietuvių-lenkų iracionalioji diplomatija // Prievartos vaisiai. Lietuvos-Lenkijos santykiai 1920–1940 metais. Kaunas, 2002. P. 18.

⁴⁴ *Eidintas A., Žalys V.* Op. cit. P. 110.

⁴⁵ Цит. по: *Burinskaitė K.* Lietuvos ir Rusijos santykiai XV–XX a. Vilnius, 2005. P. 105.